

А.А. Стерхов,
методист, председатель Научно-методического совета
ЧОУ гимназия во имя Свяителя Николая Чудотворца
г. Сургут, Россия
sterkhov1979@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8956-0132

Власть и общество в романе Олдоса Хаксли «О дивный новый мир»

Статья посвящена проблематике взаимодействия власти и общества в мире будущего. В процессе работы над статьёй использованы социологический, историко-функциональный и культурно-исторический методы исследования. В ходе исследования раскрывается специфика влияния власти на общество в английском романе-антиутопии первой половины XX века на материале романа Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», выявляются методы и средства формирования представителей техногенного футуристического общества в романе, описываются особенности кастовой системы данного общества, а также методы и средства контроля над взрослым населением. Рассматривается образ представителя власти в романе – Мустафы Монда, как одарённой личности, стоящей на страже общества одинаковых людей. В результате исследования делается вывод о неизбежной гибели духовности в мире техногенной цивилизации, превращающей человека в механизм, об опасности однополярного представления о формировании общества и отдельной личности, о недопустимости использования достижений науки для подавления разумного сознания, воли и свободы выбора.

***Ключевые слова:** власть, гипнопедия, культ Форда, неопавловский метод, общество, роман-антиутопия, тоталитарный режим, эктогенез.*

А.А. Sterkhov,
Methodist, Chairman of the Scientific and methodical Council
Grammar school in the name of St. Nicholas the Wonderworker
Surgut, Russia

Power and Society in Aldous Huxley's novel «On the Brave New World»

The article is devoted to the problems of interaction of power and society in the world of the future. In the process of work on the article sociological, historical-functional and cultural-historical methods of research are used. The study reveals the specifics of the influence of power on society in the English novel-dystopia of the first half of the twentieth century on the material of the novel by Aldous Huxley "brave new world", reveals the methods and means of formation of representatives of the technogenic futurist society in the novel, describes the features of the caste system of this society, as well as methods and means of control over the adult population. The author considers the image of the representative of power in the novel – Mustafa Mond, as a gifted person, standing guard over the society of identical people. As a result of the study, the conclusion is made about the inevitable death of spirituality in the world of man-made civilization, which turns man into a mechanism, about the danger of unipolar ideas about the formation of society and the individual, about the inadmissibility of using the achievements of science to suppress reasonable consciousness, will and freedom of choice.

***Keywords:** power, hypnopedia, cult Ford, neopalimovskiy method, society, the dystopian novel, totalitarian regime, ectogenic.*

В современных условиях развития человеческой цивилизации, когда набирают силу глобалистические информационные методы воздействия как на коллективное сознание социума, так и на отдельную личность, проблема взаимодействия власти и общества приобретает особую актуальность. Отсюда закономерным явлением становится отражение данной проблемы в мировой художественной литературе – сфере, наиболее чутко реагирующей на радикальные изменения, происходящие в обществе, и проникающей в самую их суть. В первой половине XX века наиболее полное воплощение указанная тема получила в творчестве английских писателей: Дж.Р.Р. Толкиена, У. Голдинга, Дж. Оруэлла и О. Хаксли, что представляется нам не случайным, поскольку именно Великобритания стояла у истоков современной техногенной цивилизации, сделавшей возможным установление тоталитарного строя. Писатели, названные выше, рассматривали власть как

необходимый атрибут цивилизации, без которого её существование невозможно, поскольку анархия безусловно порождает хаос (достаточно вспомнить описание краха империи Саурана после гибели её создателя в романе-эпопее Дж. Толкиена «Властелин колец»), но обладание которым насколько опасно, что способно погубить как отдельную личность, так и общество в целом. «Погубить» в данном случае означает не столько уничтожить физически, сколько разрушить духовно, превратить в механизм подчинения, состоящий из бездушных винтиков машины власти. Человек, облеченный властью, автоматически встаёт на грань между добром и злом, и нужна запредельная мобилизация воли и полный самоконтроль, чтобы не перейти на сторону зла.

Исследуя проблему трансформации общества в послушный механизм безусловного исполнения воли вождей, обратимся к роману-антиутопии О. Хаксли «О дивный новый мир», написанному в 1932 году, накануне прихода А. Гитлера к власти в Германии. Место действия романа – Мировое Государство – уже задаёт тематику отсутствия всякой альтернативы для личности. Время действия – 632 год Эры Форда. Суммированным выражением идеологии, лежащей в основе миропорядка по Хаксли, является государственный девиз «*Общность, одинаковость, стабильность*», где во главу угла ставится последний фактор, достигаемый с помощью двух предыдущих. Образ власти здесь (в отличие от той же эпопеи Толкиена, где власть жёстко привязана к личности Саурана и существует исключительно благодаря его воле) поразительно конформен: несмотря на существование вполне конкретного руководства – десяти Главноуправителей, с титулом «Его фордейшество», носителем власти фактически является само господствующее мироустройство, власть неразрывно связана со всем общественным механизмом, что обеспечивает её стабильность.

Средствами формирования данного общества выступают три базовых компонента: *эктогенез* (формирование тела и мозга), *выработка рефлексов* (психологическое воздействие) и *гипнопедия* (формирование нравственных устоев личности, её духовных интересов). Проанализируем их более подробно.

Итак, *эктогенез*, тесно связанный с символом конвейера, представляет собой искусственное оплодотворение, позволяющее получать из одной яйцеклетки десятки близнецов, что даёт стандартных людей, а значит, является одним из важнейших факторов социальной стабильности. Судьба человека, его будущее социальное положение определяется уже в эмбриональном состоянии; при этом кастовость системы поддерживается медицинскими средствами (в отличие от вселенной романа Дж. Оруэлла «1984», где «одинаковость» достигается психологической обработкой, смешанной с насилием). Так, химическим, термическим и лучевым воздействием на зародыш искусственно снижают умственные и физические показатели представителей низших каст, вплоть до получения «полукретинных», годных лишь для самой черновой работы. Кроме того, будущих сталелитейщиков и горнорабочих приучают к теплу и боязни холода, у химиков вырабатывают стойкость к свинцу, хлору, щелочам и т.д., то есть делают профессию их неизбежной, единственно дающей физический комфорт, для чего раскупорившиеся из бутылей эмбрионы поступают в Зал социального предопределения.

Вторая стадия формирования полноценного члена данного общества – выработка рефлексов *неопавловским методом*, посредством которого у низших каст прививают инстинктивное отвращение к природе и книгам с помощью резких звуков сирены и электрического тока, дабы исключить малейшую возможность получения ими нежелательных знаний, а также ради чисто экономической выгоды, ибо «любовь к природе не загружает фабрики заказами» [5, с. 143].

Наконец, завершающим этапом становления ребёнка как личности является *гипнопедия* – нравственное воспитание во сне методом внушения, многократного повторения принципов жизни общества до тех пор, пока транслируемая Государством в сознание информация не станет самым сознанием ребёнка, а значит, будет определять его деятельность всю оставшуюся жизнь. Интересна здесь позиция властей, согласно которой

нравственное воспитание, в отличие от науки, ни в коем случае не должно базироваться на понимании, поскольку иначе оно не сможет стать аксиомой, не требующей доказательств и, самое главное, рационального обоснования.

Исходя из вышесказанного, очевидна главная цель воспитания тела и мозга в обществе, придуманном О. Хаксли – «привить людям любовь к их неизбежной социальной судьбе» [5, с. 140], сделать невозможным само сопоставление человеком себя ни с чем иным помимо существующего статуса. В результате собственное социальное положение, даже максимально низкое, воспринимается личностью как нечто само собой разумеющееся, не нуждающееся в дополнительной аргументации, что, в свою очередь, служит укреплению социальной и политической стабильности. Как средство достижения подобного мировоззрения, более чем удобного для сохранения существующего порядка, показателен элемент гипнопедического текста, предназначенный для одной из каст:

«Дети-альфы ходят в сером. У альфа работа гораздо труднее, чем у нас, потому что альфы страшно умные. Прямо чудесно, что я бета, что у нас работа легче. И мы гораздо лучше гамма и дельта. Гамма глупые. Они ходят в зелёном, а дельта – в хаки. Нет, нет, не хочу я играть с детьми-дельтами. А эpsilon ещё хуже. Они вообще глупые...» [5, с. 146].

Отсюда следует, что *общность*, как это ни парадоксально, достигается посредством изначальной разобщённости людей, в основе которой лежит кастовая система. Общество по Хаксли делится от высшей к низшей на пять каст: альфа, бета, гамма, дельта и эpsilon, чьё различие подчёркивается не только интеллектуальными показателями, но и внешней атрибутикой, униформой (соответственно серой, красной, зелёной, цвета хаки и чёрной), а это уже явный признак тоталитарной системы с чётко разграниченными властными полномочиями. Существуют отдельные газеты для каст, напечатанные на бумаге цвета кастового мундира, спортплощадки, виды транспорта – принцип сегрегации пронизывает все сферы общественной жизни.

В.В. Кафтан видит в этом сходство с современными социальными проявлениями на Украине, способствующими установлению в обществе тотального контроля, господству лишь одной позиции и искоренению инакомыслия, разделению людей на социальные «касты» и формированию у них определённых стереотипов поведения в значительной степени базируются на антиутопических социальных технологиях [3, с. 25].

Рождение и воспитание ребёнка становится целиком прерогативой государства, Инкубатории и Воспитательные Центры представляют собой единую систему, чётко отлаженный механизм. Напротив, такие понятия, как «родители», «отец и мать», «семья» и «родной дом» выступают в качестве непристойных ругательств; мир семьи, существовавший до Эры Форда, показан порочным насквозь, полным низменных страстей, слабостей, психологических драм и конфликтов, то есть как априори деструктивное начало, которое необходимо было уничтожить ради блага общества. На наш взгляд, причина данного подхода в том, что любая семья способна с достаточной лёгкостью разрушить стройную систему каст, а значит, пресловутую стабильность, поскольку в одной и той же семье могут родиться и жить совместно учёные и рабочие, военные и врачи, миротворцы и злодеи. Кроме того, в семье рождается любовь, ведущая к обособлению отдельной личности, выделению из среды остальных: для матери, например, самым дорогим на свете существом является её ребёнок, а подобное мировоззрение подрывает общественную установку «Каждый принадлежит всем». Цель же Государства, по словам Главноуправителя Мустафы Монда, «оградить людей от эмоций и переживаний вообще» [5, с. 155]. Вот основная причина, по которой кажущееся нам в высшей мере непристойным поведение, касающееся отношений полов, возводится в Эру Форда в рамки обязательной моральной нормы, становится признаком приличного человека, и наоборот, воздержанность, целомудрие, верность, постоянные отношения между мужчиной и женщиной становятся общественно порицаемыми явлениями, вплоть до того, что понятие «брак» относится к разряду непристойностей не менее грубых, чем «родители» и «семья». Во избежание душевных потрясений власть охотно потворствует самым низменным,

животным потребностям людей, ограждая параллельно от высоких побуждений, поскольку избавление человека от страстей – это избавление Государства и общества от потрясений. Пословица «Когда страстями увлекаются, устои общества шатаются» входит в программу гипнопедии и усваивается с пелёнок.

Наиболее интересная особенность описанного О. Хаксли строя заключается в том, что Государство выдвигает в качестве идеала всеобщее счастье не только декларативно, как это обычно происходит при тоталитарном режиме, но и планомерно воплощает данную идею в жизнь. Но проблема в том, что счастье здесь низводится до удовлетворения примитивных потребностей, а человек – до уровня разумного животного, пребывающего в состоянии нравственной и интеллектуальной деградации, ведь чем ниже развито живое существо, тем меньше ему нужно для счастья. Тоталитарную власть, построенную на угнетении, насилии над личностью, неизмеримо легче свергнуть, чем основанную на животном счастье целого общества в пределах земного шара. Действительно, зачем вредить системе, дарующей необходимые блага? Так гасятся любые проявления свободной, осознанной воли, попытки самостоятельного выбора, основанного на индивидуально-личностных интересах, вкусах, мнениях. Да и крайне сложно проявить себя, и даже *ощутить себя собой* в системе, где самым гнусным преступлением считается нарушение общепринятых норм поведения, где любое отклонение от одинаковости – непристойность, и даже убийство не является столь тяжким преступлением, как первое, поскольку жизнь индивидуума не ценится, важно лишь Общество, и «общественный механизм продолжает жить, несмотря на смену составляющих его клеток» [5, с. 184], отсюда и смерть отдельной личности лишается ореола драмы.

Примечательно, что у власти фактически нет иной системы наказаний, кроме единодушного общественного порицания (которое, впрочем, способно оказать достаточно сильное психологическое давление на личность) и перевода на острова, жизнь и работа на которых считается непрестижной, но по сути ничем не отличается в материальном обеспечении от работы в центрах наподобие Лондона. Это не означает, однако, что не считает возможным подавления инакомыслия силовыми методами. Тот же Мустафа Монд, например, выражая радость по поводу существования островов, куда можно благополучно ссылать вольнодумцев, не исключает при этом вероятности умерщвления «еретиков», если бы островов на Земле не было. Пока же в карательных органах попросту нет необходимости, поскольку подавляющее большинство населения совершенно искренне служит этому обществу. А ласковое, убедительное внушение, формирующее личность с младенческих лет, оружие ничуть не менее эффективное для поддержания правопорядка, чем дубинки полицейских. Так, Голос Разума, озвучивающий синтетический «Призыв к порядку №2» своими сердечными, задушевными интонациями, своими проникновенными обращениями: *«Друзья мои, друзья мои! Зачем вся эта сумятица? Зачем? Соединимся в счастье и добре. В мире и покое... Прошу вас, прошу вас, отдайтесь добру...»* [5, с. 247], – за две минуты доводит до слёз и дружеских объятий яростно дерущихся перед этим дельт. Только голос этот своим мягким, обволакивающим-гипнотическим воздействием слишком напоминает голос Сарумана из романа Толкиена «Властелин Колец» в эпизоде, где коварный маг, говоря о всеобщем благе, пытается сохранить свою власть. Для тоталитарной власти очень важно убедить личность, что разум, управляющий извне, это *твой собственный разум*, ведь не будешь же ты воевать с самим собой?

Такие методы правления по достоинству оценивает верховный носитель власти в романе «О дивный новый мир» – Мустафа Монд: «Править надо с умом, а не кнутом. Не кулаками действовать, а на мозги воздействовать» [5, с. 158]. Он и ему подобные успешно реализуют данный тезис через гипнопедию, благодаря чему дельты и другие низшие касты не понимают, *что* значит быть людьми, что такое истинная свобода, не напрасно автор романа называет их «недочеловеками». Впрочем, потребность в свободе самовыражения чужда и членам высших каст. Бернанд Маркс, герой-индивидуалист,

противопоставляет себя обществу, которым воспитан лишь до определённой поры. Но, получив широкое признание и популярность благодаря привезённому им из резервации Дикарю, мгновенно примиряется с порядком вещей, «прежде таким несправедливым» [5, с. 215]. Презируя общество, Маркс в то же время испытывает шок от перспективы быть оторванным от привычного образа жизни, от той самой цивилизации, которую он ненавидит, когда его отсылают в Исландию. Прочностью своих социально-политических устоев общество и обязано отсутствием недовольных, то есть тех, кому есть что желать помимо того, что даёт им общество. Достигается это недостатком воображения, также прививаемым гипнопедией. Даже эпсилон не огорчён своим положением, так как *не имеет представления, что такое быть не эпсилоном*.

Но поскольку послушные дети должны оставаться такими и в дальнейшем, для поддержания стабильности среди взрослых особей также используется тщательно продуманная группа методов. К ним относится, во-первых, культ Форда, заменивший собой официальную религию и включающий в себя празднование Дня Форда, регулярные фтордослужения, где Форда именуют «Господом нашим» и крестят живот знаком «Т» (по названию первой модел фтордовского автомобиля, сошедшего с конвейера). Здесь мы можем выделить два значимых символических детали: живот (чрево) является символом материального потребления (ненасытное брюхо), а знак «Т», по сути, обезглавленный крест, что в сочетании обозначает полное устранение из культа духовного начала, высоких нравственных идеалов. К технократии, таким образом, присоединяется теократия с синтетической религией, приспособленной под нужды сохранения господства цивилизации массового производства. Особенно примечательна здесь *Сходка единения*, начинающаяся с пародийного по отношению к истинному христианскому обряду причастия вкушения «освящённых» таблеток сомы и осушения чаши с клубничной сомовой водой, торжественной музыки и внушающего Голоса, вводящих в совокупности своей в состояние экзальтации; продолжающаяся ритуальным танцем под бой тамтамов и ритмичную песню, и заканчивающаяся попарным совокуплением в состоянии псевдорелигиозного экстаза, смешанного с наркотическим опьянением. Но танец этих «цивилизованных людей» как две капли воды похож на пляску дикарей под барабаны, увиденную Бернардом в резервации индейцев – тех и других объединяет самая обычная первобытная дикость, жизнь, управляемая инстинктами, удовлетворением примитивных животных потребностей. Только одни ещё не выросли из дикости, а других методично туда загнали.

Во-вторых, контроль над обществом обеспечивает наркотик, не вызывающих зависимости и деградации личности – *сома*, призванный заглушить сомнения и остатки страстей, поддерживающий в человеке ощущения счастья и уверенности в себе: «Сомы грамм – и нету драм» [5, с. 162]. Не случайно сомовая вода является клубничной: метафорически «клубничка» символизирует плотские утехи, противопоставленные высоте духовного поиска. И в-третьих, это различные виды псевдоискусства: ощущательные фильмы, синтетическая музыка, дискотеки и т.п., создаваемые различными отделениями ведомства пропаганды. Сама эра Форда – это эра дегуманизации человека, перевод его из сферы духовной в сферу материальную, безостаточное замещение внутреннего внешним [2, с. 279].

Визуализированным главным героем – носителем власти в романе выступает Мустафа Монд. Хотя не он создал данное общество, он развивает его, совершенствуя систему, одновременно находясь вне её; развивает, основываясь на своих убеждениях, но в то же время мало здесь людей, столь чуждых цивилизации Форда, как Мустафа Монд. Это человек глубокого, беззлобного ума, хранящий и читающий запрещённые книги, в том числе Библию, без труда цитирующий Шекспира и способный по достоинству оценить чудесные творения мирового искусства. «Поскольку законы устанавливаю я, то я могу и нарушать их», – говорит он Дикарю, но не допускает права рассуждать подобным образом за другими людьми, во имя целостности системы [5, с. 249]. Он высокомерен, н это высокомерие человека, уверенного в своём уме и знающего цену способностям окружающих. Когда-то он и сам был подобен Бернардусу Маркусу, Гельмгольцу и Дикарю,

он мог *творить*, но предал науку ради власти, поставленный перед выбором: ссылка в Исландию или перспектива стать Главноуправителем, стал наследником тех, кто совершил «Поход против Прошлого» – закрыл музеи, взорвал памятники, изъясил книги; стал учить других изречению Форда: «История – сплошная чушь». Почему так важно было искоренить историю? Если нет истории – нет вечных ценностей, за которые нужно бороться и умирать, а есть лишь жизнь в сиюминутных удовольствиях. Трагедия Мустафы Монда заключается в том, что, будучи настоящим глубоким интеллектуалом, творцом, обладая особым мировоззрением, он искренне, взвешенно, обдуманно поддерживает на плаву то общество, во главе которого стоит, и которому на самом деле не принадлежит.

Как отмечает С.Г. Долженко, антиутопии – это всегда драматизация конфликта между индивидуальным выбором и общественной необходимостью [1, с. 67]. Внешнее глобальное счастье ничуть не обманывает Монда, все недостатки подобного социума видны ему как на ладони, и он знает, какова истинная значимость того, чем пришлось пожертвовать ради создания этой цивилизации: науки, предназначенной отныне лишь для решения текущих проблем, поскольку «всякое чисто научное открытие является потенциально разрушительным» [5, с. 253]; религии, заменённой культом Форда, подобно тому, как в своё время появился протестантизм – религия, приспособленная под интересы буржуазии (поскольку ортодоксальное христианство – религия непотребления, а значит, вредит здоровому развитию экономики в понимании западных производителей); искусства, поскольку «для трагедий необходима социальная нестабильность» [5, с. 249], да и в результате радикальной трансформации системы общественных ценностей произведения прошлого не могут быть поняты выращенными в бутылках людьми настоящего. К тому же «сидя за книгой – много не потребишь», – учит Мустафа Монд, ибо экономика, технический прогресс непрерывно создают новые материальные блага, позволяющие удовлетворять насущные потребности и поддерживать всеобщее счастье. В свою очередь, «всеобщее счастье способно безостановочно двигать машины, истина же и красота – не способны» [5, с. 254]. И поэтому теперь его обязанность – насильно делать людей счастливыми [4, с. 57].

Животное счастье людей и благополучие экономики взаимообусловлены и невозможны друг без друга, равно как и невозможны без разграничения счастья и истины. Стоит возродиться духовности, истинным чувствам, свободе не по образцу – власть машин рухнет, и от этого ревностно охраняет свой мир Мустафа Монд, продолжая возводить пороки в ранг добродетели. «Целомудрие рождает страсть, рождает неврастению. А страсть с неврастением порождают нестабильность. А нестабильность означает конец цивилизации. Прочная цивилизация немислима без множества услаждающих пороков» [5, с. 260].

Таким образом, Олдос Хаксли показывает, что победа техногенной цивилизации, утверждение её полной власти на Земле неизбежно означает поражение людей, уничтожение в них всего человеческого, превращение в итоге в расу бабуинов, жалких рабов своих пороков, биологических организмов, лишённых внутренней свободы и, как и его соотечественник Джон Толкиен, предостерегает от обожествления научно-технического прогресса, от мира духовной тьмы, наполненного скрежетом машин и колёс.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Долженко, С.Г. Диалог культур в романах Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» и Джорджа Оруэлла «1984» / С.Г. Долженко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 8 (38). – Ч. I. – С. 66-69.
2. Ерохина, Т.И. Трансформация антиутопии в контексте массовой культуры: О. Хаксли «О дивный новый мир», А. и Б. Стругацкие «Хищные вещи века» / Т.И. Ерохина, А.А. Абовян // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 5. – С. 275-282.
3. Кафтан, В.В. Антиутопия как технология социального управления / В.В. Кафтан // Экономика и управление в XXI веке: наука и практика. – 2014. – № 1. – С. 18-25.
4. Кирсанова, К. Шекспировский интертекст в романе Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» / К. Кирсанова // Вестник МГУП имени Ивана Фёдорова. – 2014. – №3. – С. 52-59.

5. Хаксли, О. О дивный новый мир / О. Хаксли // Антиутопии XX века. – М. : Книжная палата, 1989. – С. 131-271.

REFERENCES

1. Dolzhenko S.G. Dialog kul'tur v romanah Oldosa Haksli «O divnyj novyj mir» i Dzhordzha Oruella «1984» [The dialogue of cultures in the novels of Aldous Huxley «On the brave new world» and George Orwell «1984»]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of the theory and practice], 2014, no. 8 (38), ch. I, pp. 66-69.
 2. Erohina T.I. Abovyan A.A. Transformaciya antiutopii v kontekste massovoj kul'tury: O. Haksli «O divnyj novyj mir», A. i B. Strugackie «Hishchnye veshchi veka» [Transformation of anti-Utopia in the context of mass culture: A. Huxley «On the brave new world», A. and B. Strugatsky «Predatory things of the century»]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl pedagogical bulletin], 2017, no. 5, pp. 275-282.
 3. Kaftan V.V. Antiutopiya kak tekhnologiya social'nogo upravleniya [Anti-Utopia as technology of social management]. *Ekonomika i upravlenie v XXI veke: nauka i praktika* [Economy and management in the 21st century: science and practice], 2014, no. 1, pp. 18-25.
 4. Kirsanova K. Shekspirovskij intertekst v romane Oldosa Haksli «O divnyj novyj mir» [Shakespeare's intertext in Aldous Huxley's novel «On the brave new world»]. *Vestnik MGUP imeni Ivana Fedorova* [Bulletin of the MGUP of Ivan Fyodorov], 2014, no. 3, pp. 52-59.
- Haksli O. O divnyj novyj mir [On the brave new world]. *Antiutopii XX veka* [XX century anti-Utopias]. Moscow: Knizhnaya palata, 1989, pp. 131-271.